

РЕЦЕНЗИЯ НА ДОКТОРСКУЮ ДИССЕРТАЦИЮ А. В. ЯМПОЛЬСКОЙ
 «ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ МЕТОД И ЕГО ГРАНИЦЫ:
 ОТ НЕМЕЦКОЙ К ФРАНЦУЗСКОЙ ФЕНОМЕНОЛОГИИ»
 М.: На правах рукописи, 2013

A REVIEW OF THE HABILITATION THESIS BY A. V. YAMPOLSKAYA «PHENOMENOLOGICAL METHOD AND ITS LIMITS: FROM GERMAN TO FRENCH PHENOMENOLOGY» (PREPARED BY A. PATKUL)

According to Yampolskaya, the main methodological difficulty of phenomenology is the uncertainty of the correlation between the method and the object. This uncertainty reveals ambiguity in the interpretation of the concept of phenomenon. These basic difficulties encountered by the German phenomenology of Husserl and Heidegger have brought to life French phenomenology. Yampolskaya suggests that the key feature of French phenomenology is that it expresses less interest in the problem of reduction and more interest in different components of phenomenological method. Unlike German phenomenologists, who consider phenomenology to be the description of the evident, French thinkers see phenomenology as a description of concealed.

Keywords: phenomenological method, French and German phenomenology, E. Husserl, M. Heidegger, E. Levinas, M. Henry, J.-L. Marion, M. Richir.

Диссертация А. В. Ямпольской написана на актуальную для отечественной историко-философской науки тему. Нет никакого сомнения в том, что данная работа будет способствовать осмыслению сегодняшнего состояния феноменологической философии, ее целей и задач, ее возможностей и границ. Кроме того, полученные Ямпольской результаты могут служить для критической оценки применения феноменологического метода в философии с позиций других, нефеноменологических, философских школ и направлений. Пожалуй, одна из наиболее эффективных формулировок, в которой выражены *намерения* автора диссертации, звучит следующим образом: «Границы феноменологии должны быть очерчены для того, чтобы можно было, с одной стороны, сохранить строгость и мощь философского анализа, которые составляют одно из главнейших достижений феноменологического движения, и с другой стороны, не дать феноменологии превратиться в набор догм и правил, не совместимых с живой философской мыслью» (С. 5).

Актуальность темы достаточным образом обоснована во введении к диссертации, степень теоретической разработки ее и источниковая база раскрыты здесь во всей полноте. Во введении же раскрыты теоретическая и практическая значимость работы, указаны виды апробации ее результатов, обозначена структура диссертации.

© Андрей Паткуль, 2013

Структурно текст ее состоит из введения, четырех глав, заключения и библиографии. В совокупности библиографический список содержит двести двадцать шесть наименований на русском и иностранных языках. В самом тексте диссертации Ямпольская демонстрирует блестящее знание указанной ею в библиографическом списке литературы: как источников, так и комментаторской литературы, включая ту, которая увидела свет в самое последнее время. Любопытно, что такое знание материала имеется у автора исследования не только относительно феноменологической философии, но других направлений традиционной и современной мысли. Удачными следует признать и опыты применения феноменологического метода к материалу художественной литературы (Борис Пастернак, Мария Степанова), осуществленные Ямпольской в некоторых местах работы, — хотя эти опыты и имеют, скорее, иллюстративный, нежели аргументативный характер. Хотелось бы пожелать, чтобы этот интересный образец обращения феноменологии к еще не освоенному философией массиву современной словесности был бы продолжен и развит — как самой Анной Владимировной, так и другими отечественными философами, принадлежащими к феноменологической школе. Возможно, именно на этом пути удастся добиться тонких и, вместе с тем, значительных феноменологических дескрипций.

В целом ход рассмотрения проблемы феноменологического метода в диссертации можно было бы отразить следующим образом: Ямпольская отталкивается от базовых затруднений, связанных с применением феноменологического метода, которые дали о себе знать уже в рамках немецкой феноменологии, породив тем самым расхождение в трактовке метода еще на этом этапе существования феноменологического направления философии. Затем она переходит к трактовке основных положений французской — хронологически более поздней — феноменологии, которые исторически возникли из методологических затруднений, обнаружившихся еще в немецкой философии, а именно в качестве возможных вариантов разрешения этих затруднений. Тем самым автор работы пытается восстановить логику возникновения ведущих французских феноменологических учений из трудностей, появившихся еще у основателей феноменологической доктрины.

Оценивая реализацию такого замысла, можно сказать, что историческая дескрипция возникновения основных положений французской феноменологии из феноменологии немецкой удалась Анне Владимировне всецело, а логическая реконструкция — по большей части, в некоторых местах таковая выглядит все же немного схематичной.

Главной трудностью феноменологии в методологическом плане Ямпольская — и в этом с ней не возможно не согласиться — признает *неопределенность в соотношении метода и предмета* в рамках этого течения философской мысли. Вопрос об их соотношении допускает различные решения: метод может порождать предмет феноменологии, может уже его иметь и лишь соотносываться с ним и т. д. Нужно признать, что Анне Владимировне удалось получить очень важные и интересные результаты при анализе таких возможностей. Думается, что все эти варианты, в конечном счете, можно было бы вывести из проблемы *конструктивности или неконструктивности*

ности феноменологического метода, — по сути, об этом и идет речь и у Ямпольской, хотя в несколько другой терминологии, что несколько смещает акценты при рассмотрении проблемы. Действительно, эта проблема в методологическом, да и не только, плане остается ключевой, возможно даже, жизненно важной для феноменологической философии и по сей день. Возможно ли установить *точный смысл конституирования*, независимо от авторитетных высказываний классиков феноменологии о его существовании? *Навязывает* ли конституирующая инстанция, как бы конкретно мы ее не понимали, формируя знаменитое «etwas als etwas», смысл предмету; причем сам этот смысл — производится ли он этой инстанцией ad hoc или извлекается из каких-то неведомых своих «запасников», либо же предмет просто *опознается* конституирующей инстанцией в качестве нечто — и здесь также можно было бы спросить, каков статус того, в качестве чего нечто опознается, принадлежит ли он самому этому нечто или некоему «царству вечных истин», или же «существует» еще каким-то иным образом? От ответа на эти вопросы напрямую зависит не только сегодняшнее самопонимание феноменологии, но и те конкретные результаты, которые феноменологическое исследование может получить, выбрав для себя тот или иной путь в зависимости от ответа на эти вопросы. Пожалуй, именно такую вариативность на базе обширного историко-философского материала и предьявляет Ямпольская в своей работе.

Нельзя также не согласиться и с тем выводом Анны Владимировны, что указанная двусмысленность обнаруживает и неоднозначность в трактовке самого понятия феномена, — это видно уже на примере расхождения в такой трактовке у Э. Гуссерля и М. Хайдеггера. Обнаружение данной двусмысленности само собой приводит к проблеме границ феноменальности и возможности применения феноменологического метода за пределами явленного — в зависимости от того, как оно будет пониматься, и какие границы ему будут приписаны.

Интересные мысли высказаны А. В. Ямпольской также и в связи с проблемой отношения теоретического и практического момента феноменологического метода в рамках немецкой феноменологии — когда, с одной стороны, феноменология рассматривается как собственный метод теоретической науки, но вместе с тем она предстает определенной интеллектуальной и даже экзистенциальной практикой, *вне которой теоретическое применение феноменологического метода оказывается бессмысленным*. Так, что, по словам Анны Владимировны, «метод философский, феноменологический метод, заключается в первую очередь в *новом способе жить*» (С. 39). Возникновение проблемы приоритета теоретического применения и практического осуществления метода в феноменологии связано, с точки зрения автора работы, с неразличением «технического и “конверсивного” моментов феноменологического метода». Анна Владимировна, в частности, пишет: «Нам представляется, что такое прочтение гуссерлевской философии является следствием неразличения технического и “конверсивного” моментов феноменологического метода: нет никакого сомнения в том, что включение и выключение феноменологической установки, составляющее неизбежную часть жизни преподавателя феноменологической

философии, является действием воли; однако можно ли свести к акту воли принятие общефилософской установки, которая, по свидетельству Ойгена Финка, в жизни Гуссерля осуществлялась как “постановка себя под вопрос и беспокойная неуверенность в пути его души к истинному бытию”» (С. 42–43). Вообще, сама Ямпольская склоняется к тому, что «задача феноменологии является, как нам представляется, двоякой, теоретической и практической одновременно» (С. 242). В этом она видит и задачу «нового поколения феноменологов»: «Задача, которая стоит перед новым поколением феноменологов — соединить разрозненные части феноменологического наследия и вернуть в феноменологический метод то равновесие между технической и аскетической составляющими метода, которое было завещано Гуссерлем» (Там же). Такую постановку вопроса также нельзя не признать крайне важной в отношении не только феноменологического движения, но философии как таковой, общая конституция которой лишь более подробно проявленная посредством феноменологического метода — ведь, как известно, и «софистика и диалектика занимаются той же областью, что и философия, но философия отличается от диалектики способом применения своей способности, а от софистики — выбором образа жизни».¹ В том-то и состоит извечная апория философской мысли, что в самое первое, которое ни от чего уже не зависит и ничем определено быть не может, но что само всем остальным правит, что всегда таково, каково оно есть, и иным оно быть не может, — что в него каким-то непостижимым образом включается сам философ — не как простая наблюдающая инстанция, возмущения, вносимые которой потом можно было бы учесть (или вычесть) из полученных результатов, но как инстанция, формирующая саму суть дела, причем формирующая ее в полной приватности *του βίου*. Разрешена ли эта апория? Пожалуй, что нет, если не брать в расчет спекулятивно-диалектическое тождество теоретической и практической идеи в грандиозном финале гегелевской науки логики. Но человеческое ли это тождество? Доступно ли оно и в правду конечным существам? Феноменология в этом смысле остается честнее, что ли, удерживая саму апорийность жизни смертного философствующего и вечности начал сущего как сущего. Она пытается найти решение в выдерживании самой этой апорийности. Но и здесь следует поставить вопрос: является ли выдерживание апории ее разрешением.

В целом, можно отметить, что глава, посвященная немецкой феноменологии, является одной из самых интересных, интеллектуально интригующих и вместе с тем аналитически проработанных в диссертации. Опорными фигурами для автора являются здесь Э. Гуссерль, М. Хайдеггер и О. Финк. Правда, можно с сожалением констатировать, что и в выбранном материале некоторые важные источники, которые могли бы способствовать ходу исследования, остались неучтенными. Так, например, автором работы совершенно оставлены без внимания лекции Хайдеггера, изданные под названием «Введение в феноменологическое исследование» (*Einführung in die*

¹ Met. IV, 2 1004 b 23–24. Цит. по: *Аристотель. Метафизика // Аристотель. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1976. С. 123.*

phänomenologische Forschung, GA 17),² где Хайдеггер производит реконструкцию и критику позиции Гуссерля — в том числе и в методологическом аспекте.

Если первая глава диссертации Ямпольской посвящена немецкой феноменологии, то три последующих — французской. В качестве одной из ключевых черт таковой на первом этапе ее становления Анна Владимировна выделяет смещение исследовательского интереса с проблемы редукции на другие компоненты феноменологического метода: «...на первом этапе развития французской феноменологии вопросом первостепенной важности оказалась не редукция, а другие моменты феноменологического метода» (С. 106). К этим компонентам, в первую очередь, относятся *де-скрипция интенциональных переживаний и эйдетические вариации* (С. 108). В соответствии с этим «центральной проблемой феноменологии с точки зрения старшего поколения французских феноменологов оказалась проблема *интенциональности*, которая истолковывалась как соответствие интенции созерцанию, а также переработка многообразия интенций в единый горизонт смысла» (там же).

В качестве характерной черты уже ранней французской феноменологии Ямпольская отмечает также «смещение» принадлежащими этой национальной традиции мыслителями феноменологии Гуссерля и Хайдеггера, причем с эмфазисом именно на феноменологии Хайдеггера. Впрочем, «смещение» это, как убедительно показывает автор диссертации, не ограничивалось неразличением методологических позиций Гуссерля и Хайдеггера; оно было дополнено также вызванным набирающим силу французским неогегельянством прочтением Гегеля как феноменологического — в современном смысле этого слова — автора. Результаты сближения этих трех мыслителей — Гегеля, Гуссерля, Хайдеггера — французскими феноменологами, пожалуй, наиболее заметны, благодаря работе «Бытие и ничто» Ж.-П. Сартра.

А. В. Ямпольская отмечает также, что в дальнейшем французская феноменология перешла и от анализа интенциональных структур к анализу *феноменов, которые уже вряд ли можно было назвать феноменами с точки зрения классической гуссерлевской феноменологии*. Так, она пишет: «От анализа интенциональных структур вообще французская феноменология перешла к анализу особых, “глубоких” (если воспользоваться выражением Р. Бернета и Ж.-Л. Мариона) феноменов, чья реальность превосходит реальность сознания: действительно, лик Левинаса, след, плоть, жизнь сложно назвать “феноменами” в гуссерлевском смысле этого слова» (там же). В таком переходе Ямпольская видит вполне логичный итог характерной для французской феноменологии критики так называемого *интуитивизма Гуссерля*. Ведь с ее точки зрения, «французская феноменология, при всем разнообразии имеющихся подходов, демонстрирует завидное единство в том, что касается критического осмысления гуссерлевского наследия» (С. 328).

Ведь именно критическое расхождение с немецкой феноменологией приводит французских мыслителей к тому, чтобы видеть в феноменологии не дескрипцию не-

2 Heidegger M. Gesamtausgabe. II. Abteilung: Vorlesungen 1919–1944. Bd 17: Einführung in die phänomenologische Forschung. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann Verlag, 1994.

посредственного, а *дескрипцию опосредованного, сокрытого* для непосредственной данности: она, с их точки зрения, «представляет собой дескрипцию, которая не только не является эйдетической, но и вообще не претендует на непосредственное описание; эта дескрипция опосредованная» (С. 127).

Здесь сложно удержаться от того, чтобы привести достаточно пространственный пассаж из текста диссертации, который, впрочем, лучше всего иллюстрирует и саму модификацию феноменологического метода во французской философии, и внутренние мотивы такой модификации в интерпретации Ямпольской: «Критика гуссерлевского интуитивизма, представленная в работах Деррида и Левинаса, вовсе не ставит под вопрос дающее созерцание в качестве единственного правомочного источника познания; она направлена скорее на то, чтобы *расширить регион феноменологической работы за пределы созерцаемого, за пределы объективного познания*. Этот регион, включающий в себя такие “несозерцаемые”, невидимые, неявляющиеся, “глубокие” феномены — взгляд другого, лик Другого, плоть, след, различание, время, картина, икона — является одновременно регионом субъективности, через которую мы вступаем с этими феноменами в контакт. Соответственно, французская феноменология в значительной степени развивалась как феноменология субъективности или, точнее, феноменология “от первого лица”. В то же время речь не идет о том, чтобы исследовать какие бы то ни было “субъективные” феномены. Напротив, субъективность — которая уже более не ассоциируется с самодостаточным трансцендентальным *его*, конституирующим мир, но описывается как субъективность пассивная, уязвимая, аффицированная извне и изнутри — выступает не столько как самостоятельный предмет исследования, сколько как своеобразный инструмент, с помощью которого возможен доступ к более “глубоким” феноменам, к более глубоким слоям реальности. В центре феноменологических дескрипций оказываются уже не “поверхностные” феномены теории познания, а феномены “глубокие”, которые *не даны мне непосредственно* и над которыми конституирующее сознание не имеет больше власти» (С. 156–157). В этой цитате отражена важнейшая особенность французской феноменологии по сравнению с немецкой, которую весьма эффектным образом удалось концептуализировать автору диссертации в ходе кропотливой историко-философской работы: *переход от конституирующей трансцендентальной субъективности к аффицированности*. С этим выводом, безусловно, нельзя не согласиться. Остается только спросить: не становится ли такого рода переход одновременно и уходом от самой сути феноменологического метода — возможности сугубо научной (в особом, правда, смысле понятой научности) работы с идеями, «которые все же абсолютно даны в широком объеме в непосредственном созерцании»,³ уходом в ту спекулятивность (в дурном смысле этого слова), отмежевание от которой было едва ли не главным пафосом феноменологии при ее возникновении. Вопросы эти, ко-

³ Гуссерль Э. Философия как строгая наука // Гуссерль Э. Избранные произведения. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. С. 240.

нечно же, остаются риторическими, поскольку на деле заранее предполагают ответ: *нет, это не так* — об этом свидетельствует и продуманная критика Деррида в адрес Гуссерля, это демонстрирует и Ямпольская в своих реконструкциях воззрений французских феноменологов. Но риск остается: риск того, что не обеспеченное непосредственным созерцанием феноменологическое описание окажется выдаванием своих сознательных или бессознательных предпочтений (скажем так, эффектов аффицированности — частным опытом, традицией и т. п.) за сами вещи. Очень хочется надеяться, что именно из сопоставления столь различных образцов французской феноменологии в дальнейшем удастся кристаллизовать методологическое средство, предотвращающее уход дескрипции в подобного рода дурную спекулятивность.

Свои выводы относительно особенностей французской феноменологии А. В. Ямпольская конкретизирует, разбирая учения наиболее видных французских феноменологов современности и ближайшего прошлого: Э. Левинаса, М. Анри, Ж.-Л. Мариона, М. Ришира, Ж. Деррида. Этот разбор следует признать в высшей степени информативным: Анна Владимировна знакомит русскоязычного читателя с основными пунктами учений мыслителей, которые отчасти недостаточно, отчасти еще почти неизвестны в отечественном философском пространстве. Наиболее интересными периодами работы *в этом контексте* являются параграфы, посвященные проблеме самоаффицирования жизнью у М. Анри и проблеме гетероаффицирования у Э. Левинаса. Достойны внимания читателя и те параграфы, которые посвящены проблеме соотношения феноменологического метода и мышления бога, а также возможности феноменологической метафизики. Сама Анна Владимировна приходит к следующему выводу по данной проблеме: «...мы считаем, что феноменология не должна пытаться стать преодоленной метафизикой, она позволяет до определенной степени вернуть в философию Бога» (С. 325). Это, безусловно, одна из самых сложных проблем для феноменологии — проблема возможности возвращения «в философию Бога» — после выключения его трансценденции в § 58 «Идей I», после развенчания онтотеологии в «Онто-тео-логическом строении метафизики», наконец, после деконструктивистской работы Деррида. Видны ли перспективы такого «возвращения»? Вряд ли. Хотя, конечно, очень хотелось бы верить, что некий бог все еще мог бы нас спасти. Но, вероятно, направление французской феноменологии, всерьез говорящее, к чести ее, о божественном и его возвращении в философию, действительно, достигает того пункта, из которого эти перспективы вообще могут быть увидены. Стоит, наверное, только выразить надежду, что возвращение это не окажется экстраполированием своего частного опыта переживания божественного на божество как таковое. Хотя как иначе это могло бы произойти в феноменологии?

В целом, необходимо констатировать, что Анне Владимировне Ямпольской удалось создать оригинальную, авторскую схему становления французской феноменологии на ее разных этапах в качестве ответной реакции на методологические антиномии немецкой феноменологической мысли. Без преувеличения можно сказать, что схему эту необходимо будет учитывать в дальнейшем — пусть и в критическом

расхождении — любому русскоязычному исследователю истории французской феноменологии. Кроме того, текст диссертации Анны Владимировны может служить отличным источником информации по данной теме.

Подытожить же — пусть и привативным образом — собственное видение перспектив развития пользующейся феноменологическим методом философии, в контексте заданном как немецкими основателями, так и французскими преобразователями феноменологии Анной Владимировной можно с помощью следующего ее высказывания: «...феноменология не может и не должна становиться сверх-наукой, способной включить в себя литературную теорию, психопатологию, эстетику, метафизику и теологию» (С. 332).

Так или иначе, не вызывает сомнения то, что диссертация А. В. Ямпольской является значительным достижением в области историко-философской науки. Хочется пожелать ее автору успехов — и в защите диссертации, ибо Анна Владимировна, безусловно, достойна той ученой степени, на получение которой претендует, и в дальнейшей исследовательской и педагогической деятельности.

Андрей Паткуль